

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 322

15 ноября 2022 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев посредством видео-конференц-связи в закрытом заседании с участием представителя заявителя Су. – адвоката Г. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов М. области; ордер от 12 сентября 2022 года № ...; удостоверение № ..., выдано Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Московской области 06 сентября 2013 года) дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Су. от 10 июля 2022 года (вх. № ... от 13.07.2022) в отношении адвоката С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 15 сентября 2022 года адвокат С. ненадлежаще, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ч. 1 ст. 12 («участвуя в судопроизводстве адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства») и п. 6 ст. 15 («адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции») Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Разъяснениями № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица» (утверждено Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 27 июня 2019 года, Протокол № 8), исполнила свои профессиональные обязанности перед доверителем Су., что выразилось во вступлении адвоката С. в уголовное дело № ..., находящееся в производстве М. районного суда города Москвы, в качестве его защитника в отсутствие установленных законом оснований (соглашения на защиту Су., заключенного с соблюдением требований ч. 1 ст. 50 УПК РФ) и в неправомерном ознакомлении с материалами уголовного дела в интересах неустановленного лица.

Адвокат С., надлежащим образом уведомленная о дне, времени и месте рассмотрения настоящего дисциплинарного производства, в заседание Совета не явилась, участие представителя не обеспечила, подала письменное заявление о рассмотрении дисциплинарного производства в ее отсутствие. В том же письменном заявлении адвокат С. указывает, что ознакомилась с Заключением Квалификационной комиссии от 15 сентября 2022 года, согласна с ее выводами, а также высказывает просьбу не применять в отношении нее «строгие меры дисциплинарного взыскания» и сообщает: «...впредь обязуюсь не допускать подобных нарушений норм федерального законодательства РФ об адвокатуре и адвокатской деятельности. При вынесении решения прошу Вас учесть наличие у меня на иждивении малолетнего ребенка и то, что адвокатура является единственным источником моих доходов» (вх. № ...от 14.11.2022).

Заявитель Су., надлежащим образом уведомленный о дне, времени и месте рассмотрения настоящего дисциплинарного производства, в заседание Совета не явился, обеспечив участие своего представителя – адвоката Г.

Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие заявителя Су. и адвоката С., поскольку они своевременно получили Заключение Квалификационной комиссии от 15 сентября 2022 года, ознакомились с ним, ранее давали объяснения, представляли доказательства, а положения п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривают, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения.

Представитель заявителя Су. – адвокат Г. в заседании Совета сообщила, что она и ее доверитель – Су. получили Заключение Квалификационной комиссии от 15 сентября 2022 года, ознакомились с ним, с выводами согласны. Отвечая на вопросы членов Совета, представитель заявителя Су. – адвокат Г. сообщила, что в настоящее время в отношении Су., постановлен обвинительный приговор, который не вступил в законную силу. Уголовное дело находится на стадии апелляционного производства. Существо уголовного дела связано с исполнением экспортных государственных контрактов. По ходатайству защиты суд истребовал соответствующие контракты. И после приобщения их к материалам уголовного дела в деле появился ордер адвоката С. При рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции менялись государственные обвинители, их отношение к делу тоже подвергалось изменению. После появления в уголовном деле ордера адвоката С. и её ознакомления с материалами дела было проведено еще 5 судебных заседаний до провозглашения приговора, однако адвокат С. в суде ни разу не появилась, на связь с ней и Су. не выходила. Истребование и исследование в судебном заседании государственных контрактов имело значение для правильного установления фактических обстоятельств, подтверждающих позицию защиты. Поскольку адвокат С. не сообщила ни Су., ни ей – его защитнику, ни органам адвокатского самоуправления о лице, в интересах которого она незаконно ознакомилась с материалами уголовного дела, она и её доверитель обоснованно опасаются, что интересы этого лица противоречат

интересам Су., которым такими действиями может быть причинён вред, в том числе скрытый. Вопрос о мере дисциплинарной ответственности она и ее доверитель Су оставляют на усмотрение Совета.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав явившегося участника, Совет в полном объеме соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах.

Так, установлено, что в производстве М. районного суда города Москвы (судья М.) находилось уголовное дело № ... (...) по обвинению Су. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, которое поступило в суд 28 мая 2021 года.

Адвокат С., осуществляющая свою деятельность в Московской коллегии адвокатов «И.», оформила ордер от 25 марта 2022 года № ... на защиту Су., указав в качестве основания его выдачи «соглашение», после чего, 28 марта 2022 года, предъявила этот ордер в суд и подала письменное заявление об ознакомлении с материалами указанного уголовного дела и ознакомилась с ними, заполнив в подтверждение указанного обстоятельства соответствующий раздел заявления об ознакомлении с делом/материалом.

Из содержания жалобы Су. следует, что он выдвигает в отношении адвоката С. дисциплинарные обвинения в том, что она вступила в уголовное дело в качестве его защитника в отсутствие предусмотренных законом оснований, в интересах третьего лица, тогда как Су. и близкие родственники соглашения с адвокатом С. не заключали, никого об этом также не просили. При этом адвокат С. согласия Су. на вступление в уголовное дело в качестве его защитника не получала, с ним не связывалась.

Переходя к оценке выдвинутых дисциплинарных обвинений, Совет отмечает, что в соответствии с ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства.

В соответствии с ч. 4 ст. 49 УПК РФ адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера, при этом согласно ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого.

Пунктом 15 ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» установлено, что соглашения об оказании юридической помощи в коллегии адвокатов заключаются между адвокатом и доверителем и регистрируются в документации коллегии адвокатов.

В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

В Разъяснениях № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица» (утверждены Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 27 июня 2019 года (Протокол № 8)) указывается:

«Соглашение об оказании юридической помощи в интересах третьего лица могут заключить физическое лицо, юридическое лицо (например, в интересах своего работника), общественное объединение (например, в интересах лиц, для защиты которых оно создано) и другие субъекты гражданских правоотношений.

В целях соблюдения прав обвиняемых (подозреваемых) – получателей юридической помощи (защиты по уголовному делу) при заключении соглашений о ее оказании в пользу третьего лица адвокатам следует быть осмотрительными, обращая особое внимание на личность доверителей, обратившихся к адвокату в интересах таких лиц, заключающих и подписывающих соглашение об оказании юридической помощи. Как правило, не вызывает сомнений ситуация, когда соглашение с адвокатом на защиту подозреваемого или обвиняемого заключает его близкий родственник (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки). Родственные или свойственные отношения сами по себе являются достаточным основанием для вывода о законном интересе, который эти лица преследуют, заключая соглашение с адвокатом.

Между тем в ситуации, когда отношения между лицом, заключающим соглашение на защиту третьего лица, и самим обвиняемым (подозреваемым) с очевидностью не прослеживаются, адвокатам следует, проявляя разумную осмотрительность, более детально и осторожно подходить к вопросу о принятии поручения и фиксации сведений о лице, заключающем соглашение об оказании юридической помощи. Выяснение законной мотивации и интереса лица, заключающего соглашение об оказании юридической помощи, должно быть предметом тщательного интервьюирования такого лица со стороны адвоката.

По общему правилу адвокат, заключивший соглашение об оказании юридической помощи – защите по уголовному делу – в пользу третьего лица, перед началом оказания юридической помощи обязан получить согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Приведенные выше нормы УПК РФ и ГК РФ не регламентируют форму такого согласия или поручения, а также особенности его получения. Между тем Совет отмечает, что требования о разумном, добросовестном и квалифицированном оказании юридической помощи обязывают адвоката тщательно подходить к этому вопросу, исключая разумные сомнения в достоверности указанного согласия (поручения). Наиболее достоверной формой получения согласия является письменная фиксация волеизъявления лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Эта фиксация

может быть сделана на соглашении об оказании юридической помощи, в отдельном документе или иным образом, позволяющим верифицировать лицо, дающее согласие (например, с использованием электронного ресурса службы отправки электронных сообщений в учреждениях ФСИН России «ФСИН-ПИСЬМО» <www.fsin-pismo.ru>). Также согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь, может быть получено в конклюдентной форме, позволяющей со степенью достоверности, исключающей разумные сомнения, прийти к выводу о том, что обвиняемый (подозреваемый) и адвокат, принимающий его защиту на основании соглашения, заключенного с иным лицом, состоят в коммуникации между собой и отсутствие отказа от адвоката свидетельствует о даче согласия на защиту» (Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2019. Выпуск № 2 (145) С. 129-130).

Адвокат С. в своих письменных объяснениях сообщила, что 23 марта 2022 года она заключила соглашение на защиту Су. с «одним из знакомых Су.». При этом в подтверждение данного довода адвокат С. не представила это соглашение в материалы дисциплинарного производства и не указала никаких сведений о лице, с которым оно якобы ею заключено (в том числе, в нарушение обязанности, предусмотренной абз. 3. п. 1 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката, после получения соответствующего запроса Квалификационной комиссии).

В адвокатском образовании, в котором адвокат С. осуществляет свою профессиональную деятельность, сведений о данном Соглашении также не имеется.

При этом адвокат С. не оспаривает тот факт, что она вступила в уголовное дело в качестве защитника Су. и ознакомилась с материалами дела, не получив его согласия на оказание юридической помощи и даже не поставив в известность об этом. Каких-либо объяснений такого своего профессионального поведения адвокат С. также не представила.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката С. опровергнутой и приходит к выводу о том, что ее вступление в уголовное дело в качестве защитника Су. было осуществлено исключительно в целях получения неправомерного доступа к материалам дела в интересах неустановленного лица, без ведома и согласия Су. и в отсутствие намерения оказать последнему какую-либо юридическую помощь.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката С. за совершенное ею дисциплинарное нарушение, Совет отмечает его умышленный и злостный характер, сопряжённый с явным и грубым игнорированием адвокатом обязательных профессиональных правил вступления в уголовное дело и участия в нём в качестве защитника. Игнорирование императивного нормативного запрета вступления в уголовное дело в отсутствие законных оснований, без ведома и согласия лица, которому должна оказываться юридическая помощь, в совокупности с явно недопустимой и недостойной звания адвоката целью совершения таких

действий свидетельствуют о преследовании адвокатом С. в профессиональной деятельности интересов, несовместимых со статусом адвоката.

Совокупность описанных обстоятельств убедительно показывает, что адвокат С. не обладает необходимыми для осуществления адвокатской деятельности профессиональными и этическими качествами и не желает их приобретать.

При таких обстоятельствах Совет признаёт профессиональное поведение адвоката С. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к ней меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет учитывает обстоятельства, сообщённые адвокатом С.: наличие малолетнего ребенка, а также отсутствие иных источников дохода, кроме адвокатской деятельности. Однако, во-первых, эти сведения являются голословными, поскольку адвокат С. не представила каких-либо подтверждений обстоятельств, на которые она ссылается. Во-вторых, даже при условии их соответствия действительности Совет не может признать эти обстоятельства достаточными для применения к ней более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление С. в составе адвокатского сообщества могло бы дать основание полагать, что совершённое ею грубое нарушение профессиональных правил совместимо со статусом адвоката.

Дополнительно Совет отмечает, что С., согласившись с выводом Квалификационной комиссии о совершённом ею нарушении требований закона и профессиональных этических правил, не только не предприняла никаких мер, направленных на заглаживание последствий своих действий в отношении заявителя Су., но даже не представила ни ему, ни органам адвокатского самоуправления никаких объяснений своего профессионального поведения, несовместимого с требованиями закона и профессиональной этики.

В соответствии с п. 2 ст. 17 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при: 1) неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем; 2) нарушении адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката; 3) неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого С. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учётом тяжести нарушения и всей

совокупности установленных обстоятельств, считает необходимым установить этот срок в 1 (один) год.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п.п. 1, 4, 7, подп. 3 п. 6 ст. 18, подп. 1 п. 1 и п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

Применить к адвокату С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ч. 1 ст. 12 («участвуя в судопроизводстве адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства») и п. 6 ст. 15 («адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции») Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Разъяснениями № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица» (утверждены Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 27 июня 2019 года, Протокол № 8), исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем Су., что выразилось во вступлении адвоката С. в уголовное дело № ..., находящееся в производстве М. районного суда города Москвы, в качестве его защитника в отсутствие установленных законом оснований (соглашения на защиту Су., заключенного с соблюдением требований ч. 1 ст. 50 УПК РФ) и в неправомерном ознакомлении с материалами уголовного дела в интересах неустановленного лица.

Установить срок, по истечении которого С. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 1 (один) год.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков